

Г Л А В А II

КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

По своей форме и конструктивным особенностям изучаемый склеп Ереванской гробницы имеет сравнительно немного аналогов. Вместе с тем, его погребальный обряд и форма захоронений встречается гораздо шире в погребениях Ванского царства с совершенно иной конструкцией погребений, что заставляет нас, хотя бы кратко, остановиться на погребальных обрядах Биайнили.

К числу гробниц конструктивно близких нашему сооружению, относятся гробницы в Алтын-тепе, которые делятся на две группы—многокамерные и однокамерные, отличающиеся друг от друга в основном размерами.

Так, гробница № 1 Алтын-тепе имеет три камеры. Через прикрывающийся большим камнем дромос можно проникнуть в длинную камеру, а через дверные проемы, сооруженные в ее продольных стенах, в боковые камеры.

Внешние стены камеры сложены из грубых блоков, промежуточное пространство которых заполнено щебнем, в отличие от Ереванской гробницы, камни которой скреплены глиняным раствором, внутренняя облицовка стен сделана из известняковых камней квадратной формы. Имеется и другое отличие: ее ниши отделены друг от друга не блоками кладки, а узкими плитами. Гробница перекрыта большими плитами, образующими ложный свод. В боковых стенах средней камеры имеется по одной нише, образованной свободным пространством, оставленным в кладке. Ниши в боковых камерах пробиты с внутренней стороны стен¹⁴¹. Такая строительная техника и конструкция были использованы также в первой и второй гробнице Лича¹⁴².

Гробница II в Алтын-тепе, также имеет длинный дромос, который как снаружи, так и изнутри заложен большими камнями. В боковых стенах дромоса расположены друг против друга две ниши. Сама погребальная камера облицована каменными блоками квадратной формы. В боковых стенах ее, путем оставления пустот в кладке, рас-

положено два ряда ниш, по три в каждом ряду. Такие же ниши расположены в торцовой стене камеры. Ниши отделены друг от друга тонкими каменными плитами. на каменных основаниях ниш имеются небольшие углубления для установления погребальных урн¹⁴³, которые встречаются и в погребениях Каялидере¹⁴⁴ и Нор-Ареша¹⁴⁵. В оформлениях ниш Алтын-тепе и Ереванской гробницы, кроме форм перегородок между нишами и наличия в них углублений, для установления сосудов, имеется еще одно отличие. Часть ниш Алтын-тепе заложена плитами с полукруглым вырезом образующим своеобразный арочный проем¹⁴⁶.

Ближние по форме однокамерные склепы обнаружены в Личе и Гуши где кроме богатого археологического материала рассеянного по различным музеям мира, были обнаружены мумифицированные скелеты быков¹⁴⁷. Аналогичные по форме склепы, перекрытые крупными плитами, в стенах которых оставлены ниши и сооруженный вход через дромос, известны в окрестностях Вана, Патноца и Арцке¹⁴⁸.

Рассмотрим некоторые из них. Одна из гробниц в Личе (близ Патноца) имеет стены сложенные в один ряд из крупных грубо обработанных блоков размером 0.60—1.00 м, за которыми произведена засыпка из более мелких камней на глиняном растворе. Гробница ориентирована с севера на юг, с отклонением к западу. Дромос сооружен в южной части (размеры 1.00×1.05×0.50 м), имеет форму неправильного прямоугольника с узким коридором у входа в камеру, перекрытую двумя крупными плитами. Глубина дромоса более 1.00 м. Камера имеет форму почти правильного прямоугольника (размеры 2.30×1.63 м). В камере имеются две ниши расположенные в восточной стене, на высоте 0.50—0.60 м от пола размерами 0.40×0.38×0.50 м¹⁴⁹.

Вторая гробница Лича имеет близкую конструкцию с первой. Ориентирована она с востока на запад, с отклонением к югу. Дромос сооружен на

востоке, стены его возведены из небольших камней на глиняном растворе. Длина дромоса 1.80 м, ширина 1.60 м, его внутреннее пространство было завалено небольшими камнями и землей. Вход в камеру имеет ширину 0.77 м, высоту 1.05 м. Вход был перекрыт двумя плитами. Стены камеры имеют толщину 0.70×0.80 м, иногда расширяясь до 1.00 м без какого-либо раствора. Лицевые стороны камней обтесаны. Камера имеет размеры 2.80×1.65 м, и перекрыта четырьмя плитами длиной 2.75 м, шириной 0.70×1.00 м. Толщина плит 0.30—0.40 м. Высота камеры 1.70 м¹⁵⁰.

Одна из гробниц Патноца (близ Юкари) имеет прямоугольный дромос, расположенный в северной части, с узким коридором ведущим в камеру, чем напоминает планировку дромоса Лича. Дверной проем имеет раму сложенную из чисто тесаных камней. Размеры проема 0.52×1.15 м. толщина рамы 0.15 м. Верхняя часть входа округлая. Перед входом сооружены две ступеньки размером 0.70×0.38 м.

Размеры камеры—длина 4.92 м, ширина 3.87 м, высота 1.80—2.00 м. Перекрытие сводчатое. Ниши расположены на 10 см ниже свода. Размеры ниш $0.53 \times 0.57 \times 0.30$ м, верхняя часть ниш полукруглая, что напоминает ниши Алтын-тепе. По всему периметру камеры проходит мастаба шириной 0.50 м, высотой 0.25 м¹⁵¹.

Известно еще одно близкое по планировочному замыслу погребение, неподалеку от Патноца, в местности Дедели¹⁵².

Одна из гробниц в Арчке (Адилджеваз), также имеет близкую форму, с выше рассматриваемыми. Она направлена с севера на юг, в сторону Ванского озера. В дромос ведут лестницы вырубленные в скале, с размерами ступеней 0.18×0.12 м.

Дромос имеет размеры $0.72 \times 0.60 \times 0.83 + 0.83$ м, с глубиной в юго-западной стороне 0.65 м. Вход прикрыт каменной плитой длиной 0.62 м, шириной 0.52 м и высотой 0.60 м, перед дверным проемом уложены две ступеньки, так как пол камеры ниже входа на 0.98 м. Пол, почти прямоугольной камеры, чистотесан. Восточная стена камеры имеет длину 2.38 м, западная—2.55 м, южная—1.50 м, северная—1.42 м. Ниша камеры, расположенная в восточной стене, имеет длину 1.15 м, ширину 0.37 м и высоту 0.70 м, перекрытие сводчатое¹⁵³.

Кроме указанных подземных склепов в Алтын-тепе имеются и более простые погребения, вырытые в каменных грунтах, несколько напоминающие Игдырские и Нор-Арешские. Та же картина наблюдается в Личе, где из девяти, случайно обнаруженных в позднее исследованных погребений,

три напоминают однокамерные склепы Алтын-тепе и Ереванской гробницы, а остальные врыты в грунт. Кроме Алтын-тепе и Лича, подобные погребения с захоронениями в урнах известны в Каледжике, а с трупоположениями в том же Личе, Каледжике и Гиимли¹⁵⁴.

Наряду с сооруженными склепами в Урарту встречаются и другие формы погребений, высеченные в скалах пещеры часть из которых, в частности Ванские, могли быть царскими.

О назначении этих искусственных пещер, нет общего мнения. Б. Б. Пиотровский считает, что они могли быть различного назначения и, что среди них есть как помещения религиозно-культового характера (храмы), так и погребального.

К числу последних он относит комплексы пещер в Ванской скале, около «арсенала», открытые в 1866 г. А. Н. Казнаковым. Судя по его описанию, приведенному Б. Б. Пиотровским, проем, с углублением для дверной оси во внутренней его части, вел в квадратное помещение площадью около 20 м² и высотой 2.55 м. На левой от входа стене этого помещения, невысоко от пола, находился другой вход, ведущий в два смежных небольших помещения. Первое из них, прямоугольное в плане (длина 4.76 м, ширина 1.42 м, высота 0.95 м), в котором можно передвигаться только согнувшись. Оно имело плоский потолок. Второе помещение имело куполообразный потолок. Это помещение примечательно тем, что на уровне пола соседнего помещения имелся проем для закрепления плиты, одновременно служивший комнате полом и перекрывавшей подполье, из которого вел ход в небольшую камеру (ширина 1.07 м и высота 0.85 м), принятую исследователем за тайник.

Б. Б. Пиотровский, исходя из характера этих небольших помещений, считает возможным присоединиться к мнению А. Н. Казнакова, который описанную им Ванскую искусственную пещеру относит к погребальным. Саркофаг в ней, по-видимому, находился в подполье, в то время как в большой пещере Ичкала и Нафткую саркофаги могли устанавливаться прямо в камере, на возвышенностях¹⁵⁵.

Имеет сходство с вышеописанными погребениями гробница на правом берегу Аракса, напротив «поста Алишар». Она состояла из двух помещений, высеченных в скале. Передняя небольшая комната имела потолок в виде коробкового свода, а погребальная камера—плоский потолок с прямоугольными нишами в стене. В этой гробнице было найдено несколько урартских бронзовых изделий, которые в 1859 г. поступили в Эрмитаж. По мнению Б. Б. Пиотровского, пещерные помещения Вана

имеют много самобытных черт, связанных с биайнской наземной архитектурой, которые помогают в некоторой степени реконструировать их. Так потолки пещерных залов воспроизводят потолки урартских построек—плоское перекрытие с бревенчатым накатом или же коробковые кирпичные своды¹⁵⁸.

Интересна конструкция гробницы, раскопанной на южном склоне отвесной скалы в 11-ти км восточнее Маназкерта. Проходя по труднодоступному склону через дромос со сводчатым потолком можно попасть в главную камеру. Дромос отделен от камеры дверным проемом прямоугольной формы (размеры 1.42×1.10 м). Дверной порог на 0.47 м выше пола дромоса. За порогом размещена ступенька длиной 0.60 м, шириной 0.35 м и высотой 0.10 м.

Главная камера представляет собой неравномерный четырехугольник, южная и северная стены которого, соответственно, имеют длину 3.59—3.15 м, а восточная и западная—6.03 и 5.75 м. Высота плоского потолка камеры колеблется между 2.10—2.30 м, а под потолком высечен карниз в виде балочных окончаний. Вход в боковую камеру, имеющую меньшие размеры (1.63×0.85), пробит через стену толщиной 0.60—0.65 м. На северной стороне боковой камеры имеется ниша шириной 1.55 и глубиной 1.00 м, напоминающая ниши Ереванской гробницы. Вторая ниша, в этой же камере (размеры 0.84×0.84 и глубина 0.72 м), расположена у западного угла¹⁵⁷.

Не менее интересна, вырубленная в скале гробница близ Каялидере, расположенная западнее дороги Муш-Эрзрум. Она, как и вышеописанные гробницы, имеет дромос, через который можно проникнуть к запертой крупным камнем двери гробницы. Основная камера представляет собой вырубленное в скале просторное помещение с почти плоским сводом. По обе стороны от нее расположены камеры, меньших размеров, с такими же плоскими потолками. На стенах имеются ниши с округлыми углублениями в основании, наподобие ниш Алтын-тепе. На задней стене третьей камеры имеется скамьеобразный выступ, на котором был установлен саркофаг¹⁵⁶.

Сближаются с ними подземные, высеченные в скалах помещения Айкаберда (Чавуш-тепе), расположенные под дворцом, которые по мнению Баки Огюна являются погребальными сооружениями, хотя их исследователь А. Эрзен предполагает, что они могли служить и цистернами¹⁵⁹.

К этой группе сооружений относится и высеченная в скале трехкамерная гробница в Сангаре

(Иран)¹⁶⁰, в которой также имеются ниши различных размеров.

Имеются сведения и о других пещерных гробницах, которые, к сожалению, были разграблены, но тем не менее, они дают определенное представление об особенностях захоронений в подобных сооружениях широко распространенных на Армянском нагорье, в связи с появлением и созданием спорных пунктов биайнийцев. К числу их относятся пещеры Тейшебаини и Аргиштихинили. «При обследовании крупных пещер напротив цитадели Тейшебаини были обнаружены фрагменты великолепной биайнской керамики и следы сожжения—достоверного свидетельства урартского погребального обряда и доказательством наличия пока не обнаруженного могильника. Подобные пещеры известны и в Аргиштихинили и они свидетельствуют о наличии гробниц представителей провинциальной знати, которые были ограблены в древности и уже никогда не будут обнаружены их следы»¹⁶¹.

Гробницы, высеченные в скалах недалеко от Тушпы, свидетельствуют о их принадлежности к биайнским царям и знати. Такие же склепы встречаются в Каялидере, Айкаберде, Маназкерте, Сангаре и других памятниках. В тех же местностях, где не было необходимых естественных условий, они возводились посредством сооружения крупных склепов, где за их наружными стенами складывались кучи крупных камней, имитирующие скальные гробницы.

Этой традиции, видимо, следовали и представители местной знати, которые для захоронения своих вождей создавали сравнительно небольшие искусственные гробницы типа найденных в Личе, Гуши, Патноце, Ване, Арцке, Алишаре и других местах.

По своей конструкции Ереванская гробница повторяет формы искусственно сооруженных однокамерных подземных склепов типа Алтын-тепе и является уникальным сооружением Ванской эпохи в Араратской долине. Имея те же конструктивные формы с небольшими вышеуказанными отличиями, погребения в Алтын-тепе и Ереванской гробницы несколько отличаются друг от друга и по обряду захоронения. Как известно, в Алтын-тепе совершалось два погребальных обряда—трупоположение в саркофаге и кремация с засыпкой праха в урны. Что же касается Ереванской гробницы, то по количеству ниш и найденных урн, очевидно, что здесь был погребен не один человек. Вместе с тем содержимое этих урн показывает, что захоронение производилось с некоторыми различиями в обряде. В одной урне был обнаружен кремированный прах

покойника, в другой—мелко раздробленные кости скелета, среди которых удалось идентифицировать кости ключицы и лучевые.

Кремация, как известно, была широко распространена в Ванском царстве. Самые ранние находки подобных захоронений были обнаружены в Игдыре, где в 13 пунктах из 14-ти, труп был кремирован и лишь одно погребение, содержит костные остатки не тронутые огнем. Хотя погребения Игдырского могильника помещались в расщелинах скал, они заботливо присыпались слоем песка и прикрывались большими глыбами камней, то есть являлись грунтовыми погребальными ямами¹⁶².

Значительная часть погребальных урн Игдырского могильника близка по форме урнам Ереванской гробницы, однако они имели одно просверленное отверстие. Здесь наряду с красноангобированными сосудами встречались и темно-серые горшки, свидетельствующие о том, что захоронения производились иногда в обычной, кухонной посуде.

Из описания форм захоронений Игдырского могильника видно, что в Ванском царстве существовала и третья форма захоронений—трупположение, которая встречается и в других местах.

Кроме Игдыра, обряд кремации хорошо известен по целому ряду других памятников. К их числу относится захоронение, обнаруженное в Ереване. Здесь, во время земляных работ, к западу от цитадели Эребуни в квартале Нор-Ареш, были обнаружены следы биайнского колумбария, состоящего из трех погребений, с исключительно ценным инвентарем, состоящим из богато орнаментированных поясов, удила, различных украшений и керамики¹⁶³. Наблюдения, сделанные при исследовании и расчистке сильно потревоженных погребений привели А. А. Мартиросяна к мысли, что эти погребения напоминают Игдырские. Так, первое погребение содержало два сосуда, обложенных мелкими камнями. В одном из них, крупном черном горшке, оказалось большое количество первоклассных бронзовых изделий. От второго погребения сохранились фрагменты красноангобированной погребальной урны и лежащие рядом бронзовые изделия. Здесь же была найдена плита рыжеватого туфа, перекрывающая некогда погребальную урну.

Третье, почти до основания снесенное погребение, имело весьма интересную деталь: лежавшую на полу маленькую плиту с углублением в центральной части, в которой сохранилось донышко небольшой красноангобированной урны. Плита была обложена небольшими камнями, частично об-

мазанных глиной. А. А. Мартиросян считает, что описанные погребения не имеют ничего общего с обычными «каменными ящиками», принадлежавшими коренному населению края. Они различаются не только по конструктивным данным и инвентарю, но и обряду захоронения, в то же время вполне соответствуют погребениям Игдырского могильника, с той лишь разницей, что последние были устроены в расщелинах скал и естественных углублениях почвы, а первые были врыты в землю, хотя для обоих могильников характерен обряд захоронения, кремации¹⁶⁴.

Однако это утверждение не совсем точно. По-видимому норарешские погребения являлись обычными грунтовыми захоронениями, также характерными для Армении и Закавказья. Но нужно отметить, что здесь обряд захоронения дополняется наличием двух особенностей—обкладки из мелких камней и туфовой плитой с углублением в центре. Первое, как отмечалось выше, очевидно, имитирует идею скал, а наличие туфовой плиты с углублением, видимо, повторяет функции углублений в основании ниш, зафиксированные также в Алишаре, Гуши, Личе, Патноце, Игдыре, Арцке, Алтынтепе, в пещерах Ванской скалы и скального склепа в Сангаре.

Вместе с кремацией праха покойников, в ряде вышеперечисленных памятниках, обнаружены и трупположения.

Биайнские погребения, с обрядом трупположения, хорошо известны из Арцке, Лича, Ошакана, Игдыра, Еревана и т. д.

Раскопки Ошаканского могильника выявили погребения трех типов. Первое из них (№ 3), имеющее прямоугольную форму, было вырублено в скальном грунте и нивелировано земляным полом. Погребение (№ 4) представляет собой небольшой каменный ящик, частично перекрытый стеной более позднего дворцового сооружения, что, свидетельствует о принадлежности погребенных, к низшим слоям общества.

Наиболее интересны два других погребения, представляющие собой склепы (№ 59) размерами—3.40×3.10 м и глубиной 1.45 м, и погребение (№ 62) размерами 4.50×3.50 и глубиной 1.70 м. Стены выложены из крупных, вертикально поставленных плит. Оба склепа были перекрыты трехступенчатым сводом, а сверху покрыты невысокой курганной насыпью и окружены кромлехным кругом диаметром 8.20 и 8.50 м.

Оба кургана, по своей конструкции, мало чем отличаются от других курганов Ошаканского могильника, как и от других курганов эпохи поздней

бронзы и железа Армении¹⁶⁵, в то же время, они по своим конструктивным особенностям резко отличаются от всех вышеописанных биайнских погребений. Эти конструктивные отличия, а также находки изделий «местной культуры», позволяют предполагать, что Ошаканские курганы принадлежали представителям местной знати, которые широко использовали и биайнские изделия.

Говоря о конструкциях погребений с трупоположением необходимо отметить, что основная их масса, особенно погребения с одиночными захоронениями, имеют, весьма, различные особенности. Погребение с трупоположением в Игдыре по своей форме не отличалось от урновых, и, покойница с ребенком лежали в расщелине скалы и были присыпаны землей. Одно из погребений в Личе было грунтовым. Покойник, лежавший в яме, был окружен щебенкой и прикрыт слоем песка. В двух других погребениях Лича покойники были уложены в обычные грунтовые ямы и прикрыты слоем земли¹⁶⁶.

По-видимому, грунтовым было и случайно обнаруженное погребение на ул. Московской (ныне Сарьяна) в Ереване, где было обнаружено три скелета. Найденный здесь керамический инвентарь состоит в основном из биайнских и «местных» сосудов. Трупоположение производилось также в саркофагах.

Подобные саркофаги с трупоположением обнаружены в Зивие, Алтын-тепе и, по-видимому, в Ване и Каялидере.

Саркофаги из Алтын-тепе каменные, в виде продолговатых ящиков, перекрытые полукруглыми полами крышками¹⁶⁷.

Уникальной находкой является бронзовый саркофаг, в виде ванны, найденный в Зивие¹⁶⁸.

Большой интерес представляет погребение (№ 25) Ошаканского могильника. Камера его (размеры 3.10×1.90 м, глубина 1.45 м) выстроена из крупных блоков туфа правильной формы, что напоминает кладку гробниц Еревана и Алтын-тепе. Сверху она была перекрыта тремя поперечно уложенными плитами над которыми имела невысокая земляная насыпь.

В склепе обнаружено 27 скелетов, очень плохой сохранности, найденных в сидячем положении, вплотную друг к другу. Хотя скелеты сильно истлели, анатомический порядок костей не был нарушен, черепные кости находились непосредственно над костями таза и ног. Рядом с каждым скелетом или под ним лежали обломки специально разбитого одного глиняного саркофага, что должно было имитировать захоронение в гробах. После

восстановления, произведенного реставратором Гос. музея истории Армении В. Оганесяном, оказалось, что саркофаг имеет форму подтреугольной ванны с округлыми бортами, украшенными крупным рельефным поясом¹⁶⁹.

Интересные формы погребений и обряды захоронений были выявлены в Аргиштихинили.

А. А. Мартirosян, производивший раскопки, указывает, что урартские погребения, открытые здесь, не имеют наземных следов, вследствие чего они открыты случайно, при проведении земляных работ. Здесь встречаются каменные ящики трех типов: выложенные из грубых камней, грубо отесанных плит и сложенные из кирпича.

Особый интерес для изучения биайнского погребального обряда представляет, найденный в 1973 г. в Аргиштихинили, каменный саркофаг, помещенный в грунтовую яму и ориентированный с севера на юг с отклонением к востоку на 45°, прикрытый тремя каменными плитами. Саркофаг изготовлен из местного черного туфа. Его длина 1.52, ширина в одном конце 0.75, в другом—1.00 м, высота, соответственно, 0.55 и 0.65 м. На днище саркофага, под одной из поперечных стен, имеется сквозное отверстие диаметром 3—4 см.

В саркофаге были обнаружены четыре урны, прикрытые мисками. На плечиках двух урн имеются по три сквозных отверстия, а на двух сосудах—клейма, в виде восьмилепестковой розетки и птицы. Внутри этих урн были обнаружены раздробленные человеческие кости и различные украшения, датируемые VIII в. до н. э.¹⁷⁰.

Кроме указанных форм захоронений, в Ванском царстве засвидетельствована еще одна форма погребения, с трупоположением в кувшинах или карасах. Биайнские захоронения подобной формы, являются самыми древними и, вероятно, служили прототипом широко распространенных раннеармянских (ахеменидских) и античных захоронений Армении и Закавказья.

Подобная форма захоронения впервые была засвидетельствована в Аргиштихинили, где на правой обочине амасийской дороги в 150—200 м к северо-западу от холма см. Давида, в маленьком карасе случайно было обнаружено детское погребение VIII в. до н. э. При исследовании местности было найдено еще два захоронения в урнах, в одной—пепел кремированного, а в другой—кости годовалого ребенка. Точно такое же погребение было обнаружено и на юго-западной окраине села Нор-Армавира.

На расстоянии 150—200 м от описанных погребений, было найдено еще два. Одно из них

произведено в крупном карасе, со жгутовидным орнаментом на плечиках (высота 1,50, ширина 0,70 м). В карасе сохранились скелеты взрослого и несовершеннолетнего, по-видимому, матери и ребенка, лежащих «в обнимку». Второе погребение, раскрытое случайно при строительных работах, было совершено в вертикально стоящем кувшине средних размеров, горловина которого была прикрыта глиняной чашей. Внутри кувшина были обнаружены кости скелета¹⁷¹.

Эта форма труположения была дополнена интересной находкой 1986 г. в Аргиштихинили, где к северо-западу от цитадели, на приусадебном участке одного из жителей села, при земляных работах был обнаружен крупный карас. Внутри него были найдены четыре скелета и сопровождающий инвентарь, состоящий из бронзового орнаментированного пояса, гладких и змееголовых серебряных браслетов, золотой серьги, различных бус, цилиндрической и гиревидной печати, скифских наконечников стрел и различных керамических сосудов, датируемых концом VII в. до н. э.¹⁷²

Рассмотренные погребения с биайнским инвентарем дают определенные сведения как о формах и конструктивных особенностях погребений, так и об обряде захоронения, в Ванском царстве.

Наиболее характерные погребения для знати — наместников, крупных военачальников и т. д., часть которых, без сомнения, могла происходить из представителей царской семьи, как правило, сооружались в искусственно вырубленных пещерах. Для этих сооружений, иногда, использовались и естественные пещеры, которые, очевидно, закладывались стенами.

Вырубленные в них камеры, как правило, имели форму жилых построек, причем в них иногда сооружались скамьи-мастабы, уже хорошо известные по находкам в гражданских помещениях Аргиштихинили, Ошакана и Доври. В стенах этих пещерных камер вырубались ниши, которые также характерны для биайнской гражданской архитектуры. Они, как показали раскопки гробниц, служили местом закладывания погребальных урн.

На близость форм гражданской и культовой архитектуры, указывают высеченные в скалах карнизы, которые украшают ряд пещер Вана, Сангара, Алишара и т. д. Эти карнизы обработаны в виде окончания выступающих балок, расположенных на высоте дверных перемычек, имитируя плоскую балочную форму перекрытия гражданских сооружений. В ряде гробниц имеются сводчатые перекрытия, что также известно из биайнской архитектуры. Подобные перекрытия известны по рас-

копкам Кармир-блур, где были зафиксированы следы кирпичного свода, размеры же многих помещений Ошакана, четко указывают, что их перекрытия имели форму «азарашена». Почти во всех пещерных сооружениях сохранились следы своеобразных петель в виде сквозных отверстий в дверной раме, для закрепления каменных дверей.

В тех местах, где не было естественных пещер, или соответствующих скал для сооружения искусственных, биайнцы сооружали гробницы-склепы, внутренняя сторона кладки этих склепов имела чистотесаную поверхность, а за внешним рядом производился навал камней, имитирующих скалы, которые четко видны в конструкциях гробниц Алтын-тепе, Еревана, Лича и т. д.

Подобное явление, видимо, было характерно и для погребений средних слоев общества. Здесь урны с довольно богатым сопровождающим материалом, в отличие от пещер и специально сооруженных склепов, укладывались в расщелины скал. Эта форма хорошо известна по захоронениям в Игдыре и Личе. В тех же местностях, где не было этих возможностей, захоронения производились в грунтовой яме, но урны обкладывались мелкими камнями (Нор-Ареш). Кстати этот обычай бытовал и в античный период в Армении.

Такое подчеркивание скал не было случайным явлением, зафиксированным лишь при строительстве указанных погребений. Биайнцам, жившим среди скалистых гор, постоянно приходилось рубиться в скалы для проведения дорог, каналов, сооружать искусственные пещеры, культовые площадки, лестницы и т. д.¹⁷³. Предложенная нами гипотеза о том, что каменные завалы вокруг погребений имитируют скалы, в конечном итоге приводит к идее почитания гор, и, к представлениям биайнцев о том, что в подземное царство, можно было «пройти» через расщелины или «двери» в скалах. Интересные сведения об этом дают многочисленные вырубленные в скалах ниши — «ворота», посвященные разным божествам царства. По верованиям населения Биайнии, через эти «ворота» выходило божество находившееся в скале. Выход бога из горы, как отмечает Б. Б. Пиотровский, обычное представление в древних религиях Передней Азии, на что указывают многочисленные зиккураты храмов Южной Месопотамии и храмов Малой Азии, в которых устроены ниши, с ведущими к ним лестницами¹⁷⁴. Подобные верования существовали и в Армении: солярное божество Мгер, которого уже не может носить на себе земля, входит в Ванскую скалу через «Мгери дур» («ворота бога Хал-

ли») и с его возвращением люди связывают идею всеобщего благоденствия.

Определенные различия наблюдаются не только в формах погребальных сооружений, но и в обрядах захоронений. Наиболее распространенной формой является «урновое» захоронение, встречаемое почти повсеместно в вышеописанных памятниках. При этом обряде захоронение производилось лишь после кремации или же расчленения. Кремация совершалась вне погребения и, может быть, сопровождалась пышными церемониями. Если в лесистых районах Армянского нагорья этот процесс не представлял затруднений, то в безлесных, он был связан с определенными трудностями. В связи с этим, на основании материалов Игдырского могильника, Б. А. Куфтин сделал интересное заключение о том, что сжигание покойника, требующее большого количества топлива, при отсутствии древесины, осуществлялось кизяком¹⁷⁵.

Дробление костей скелетов, как и кремация производилось не в погребениях и мелкие кости насыпались в урны. Подобный обряд зафиксирован пока что, в двух погребениях—Ереванской гробнице и в Аргиштихинили (погребение в саркофаге).

Следующий обряд—трупоположение (одиночное и групповое). Эта форма захоронения производилась в памятниках не одинаково так прослеживаются несколько различных форм.

Первое—эта трупоположение, зафиксированное в погребениях средних и низших слоев биайнского общества, когда покойника укладывали в обычную грунтовую яму, каменный ящик или же в расщелину скалы, что видно по погребениям Лича, Ошакана, Игдыра, Патноца и т. д.

Вторая форма—трупоположение в кувшины или крупные карасы, которые также производились указанными социальными прослойками, так как и здесь сопровождающий инвентарь сильно дифференцирован. Примером может служить захоронение в Аргиштихинили. Последней, третьей формой трупоположения, являются одиночные захоронения в саркофагах (Ван, Алтын-тепе, Зивие).

Ошаканское групповое захоронение (27 человек) с одним разбитым саркофагом на части, является следствием не характерного захоронения, а групповым захоронением погибших в сражении воинов, погребенных в одной общей могиле.

Оба последних вида, биайнских захоронений, трупоположения в карасах и саркофагах, являются наиболее древними в Армении и Закавказье, впоследствии получившие широкое распространение в указанных регионах.

Анализ конструктивных особенностей и форм

захоронений показывает, что биайнцы уделяли исключительное внимание погребальному обряду. Сам факт захоронения умершего, часто в научной литературе воспринимается как свидетельство существования в данном обществе представлений о бессмертии души и загробном мире. Подобные представления естественно существовали и в Ванском царстве, зафиксированные также в письменных источниках религиозного характера. Эти данные представляют возможность реконструировать, в общих чертах, представления биайнцев о смерти и загробной жизни.

Впервые в урартоведении к этому вопросу обратил Г. А. Капанцян, отмечая, что в надписи «Мгери-дур», упомянутые рядом имена божеств—Адарута, Ирмушини и «бог, который души переводит»¹⁷⁶, символизировали соответственно—рождение, болезнь, загробный мир. Бога Адарута он характеризовал как покровителя рождения и потомства, считая, что Адарута состоит из имени Adar-и частицы женского рода—iṭha. По его мнению, имя этого божества сопоставляется с сиро-арамейским Атар, покровительницей плодородия, рождения и врачевания. Теоним Ирмушини, Г. А. Капанцян этимологизировал хеттским словом iṭma «болезнь», приписывая этому божеству функцию исцелителя¹⁷⁷.

Кульτ «бога, который души переводит» само собой свидетельствует о существовании мифов о душе и потустороннем мире, о границе между земным и загробным миром, которую душа не в состоянии преодолеть без проводника. На границе души человека встречаются с богом Шebиту, который как и его тезка в Шумере, Сабиту-Сидури¹⁷⁸ охраняла эту границу.

Представления о потустороннем мире в Ванском царстве, связывались с водой—океаном или морем, предметным воплощением которых было озеро Ван¹⁷⁹. Богом символизирующим загробный мир, был бог солнца Шивини, который также назывался ENGUR Suinipae DINGIR—«бог морей»¹⁸⁰. Как свидетельствуют известные из окрестностей озера Ван—армянские, генетически связанные с урартскими предания, жизнь в потустороннем мире во многом была тождественна с земной (представлялось как ее зеркальное отражение).

Владыкой загробного мира является бог Ху-туини (теоним этот восходит к хурритскому слову Ниṭе—«писать», сравни с культом армянского бога подземного царства Грох—«пишущий») — четвертое божество урартского пантеона, владыка судьбы человеческой¹⁸¹.

В состав Ванского царства входили и многие

племена и народы, отличавшиеся как по этническому происхождению, так и по уровню социального и культурного развития: следовательно, представления о загробной жизни, соответственно, и погребальный обряд этих племен и народов должны были быть различными.

Биайнское государство для укрепления единства и хозяйственно-политического могущества страны с конца IX в. до н. э. предприняло ряд реформ, затронувших хозяйственные, политические, военные и религиозные сферы общественной жизни. Начиная с конца IX в. до н. э. государство оказывало решающее воздействие на этнодемографическую структуру страны, переселяя население из различных областей в другие, способствуя развитию организации новых государственных хозяйств, укреплению приграничных районов (переселенцы, оказавшиеся в чуждой среде, были заинтересованы в прочности царской власти) и слиянию различных этнических групп. По неполным данным, Аргишти I переселил 280000, а Сардури II—197000 человек¹⁸².

Это обстоятельство, в совокупности с естественной миграцией, в конечном итоге привело к расселению арменоязычных племен по всей стране и ускорило процесс арменизации населения Армянского нагорья. В свою очередь, эта политика оказывала сильное воздействие на культуру царства вообще и в частности на погребальный обряд.

В настоящей работе мы считаем целесообразным употреблять термин «биайнская культура», как культуру центральной части того государства, которое ассирийцы называли Урарту. Это государственное объединение включало в себя не только носителей хурри-урартских языков—биайнийцев, но и иных племен говоривших на индоевропейском-хеттском, лувийском, иранском и особенно широко распространенном протоармянском языке, носители которого по-видимому являлись основным населением страны.

В разных районах этого большого государства, можно встретить предметы, привезенные из его центральной части—Биайнили. Возможно представители администрации, в присоединенных к Биайнили областях, назначались из центра.

Вместе с тем возникает необходимость более точного определения термина «местная культура». Материалы из памятников на территории Республики Армения четко показывают различия как между привозными материалами, принадлежащими к биайнской и другим древневосточным культурам, так и изделиями местных народов, в культуре которых выделяются различные локальные вари-

анты. То же явление прослеживается по материалам из раскопок Г. Гауптманна в Норшун-тепе, свидетельствующее о том, что отдельные регионы имели характерную им культуру.

В отличие от археологической изученности памятников на территории Республики Армения мы, к сожалению, не имеем точного представления о «местных» памятниках Западной Армении, ввиду малой информативности, и из-за малочисленности раскопок синхронных, но не биайнских памятников. Тем не менее, наличие фригийской керамики в приевфратской низменности и в Норшун-тепе и находки значительного количества хурритских изделий из районов, прилегающих к южным границам Армянского нагорья, дают возможность предполагать о наличии «местных» археологических культур и их локальных вариантов в отдельных регионах Армянского нагорья.

Вместе с тем, по материалам памятников на территории Республики Армения наблюдается, что начиная с IX—VIII и особенно с VII вв. до н. э., распространяется влияние биайнской культуры на «местную». Это явление отражено на предметах вооружения—появляются некоторые новые формы мечей, кривых ножей, кинжалов и наконечников стрел, а также в некоторых видах керамики, или ее элементах (новые формы ручек, венчика—ойнахой). Подобное явление наблюдается и в духовной культуре. Как известно, в урартский пантеон, наряду с хурритским, включены божества, имена и культы которых имеют индоевропейское (в основном армянское) происхождение¹⁸³.

Все вышесказанное позволяет предположить, что в Ванском царстве происходил процесс консолидации всех местных племен: биайнских, хурритских, индоевропейских (в основном протоармянских).

Ярким свидетельством этого процесса является наличие многих биайнских и хурритских слов, терминов и фонетических особенностей как в грабаре, так и в отдельных диалектах армянского языка¹⁸⁴ с одной стороны, и сравнительно долгое бытование и влияние биайнской культуры на культуру Армении (после падения Ванского царства) последующих эпох, с другой¹⁸⁵. Столь долгое влияние на культуру Армении объясняется не только культурной традицией биайнийцев, но и тем, что они вошли в состав образовавшегося армянского государства. На протяжении долгого времени биайнийцы слившись с армянами и став одним из компонентов окончательно оформившего армянского народа, значительно обогатили его язык, материальную и духовную культуру.